

Великая молочная река / продолжение

Category: Некаýалар, Kitарсы

написано kitарсы | 24 января, 2025

Великая молочная река / продолжение ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВЕСНЫ

Дедушка Солнце, пообещав близкую весну, стал еще добрее, еще теплее. А одуванчик, проклюнувшийся сквозь землю, гордо подставлял солнечным лучам свою желтую голову. Он даже прихвастнул, называя себя внуком дедушки Солнца.

– Видишь, лицо у дедушки Солнца совсем круглое и желтое, как у меня, – сказал он Хуршиду. – Так что ты не спорь со мной, знаю, я – самый любимый внук дедушки Солнца. Я даже жить должен там, высоко на небе, просто однажды нечаянно упал вниз. Но это ничего, – как бы утешил он Хуршида, – дедушка Солнце скоро опять заберет меня в свой огненный дворец. Вот увидишь меня высоко в небе и лопнешь от зависти.

Хуршид засмеялся.

Во-первых, цвет лица у дедушки Солнца не желтый, а солнечный. Об этом даже Надира-апа подробно рассказывала. Во-вторых...

Но одуванчик не хотел слышать никаких объяснений. Он даже собрал все листья в пучок и укрылся за ними.

– Ты что это? – удивился Хуршид. – Обиделся на меня?

Одуванчик не ответил.

Хуршид осмотрелся и сразу понял, в чем дело. Огромная туча напозла на небо, пугливо пробегали под нею облака-девочки, и неспешно рокотал гром – наверное, это Акбала учился своему новому делу.

Гроза идет, тетушка Туча сердится.

– Ёмгир, ёгалок, шатирлатиб куй тезрок! – весело закричал Хуршид. Бегая по двору. Он хотел, чтобы тетушка Туча его услышала. Он кричал: – Дождик, дождик, пуще! Дам гущи. Выйду на крылечко, дам огуречка. Дам и хлеба каравай. Акбала, не унывай!

– Ты что это? – заворчала, выглядывая во двор, бабушка. –

Дождя нам только не хватало. Мы же собрались готовить сумалак. Ты, Хуршид, разве уже не любишь сумалак?

Ой, правда! Сумалак – вкусная штука, сумалак готовят специально в Навруз, в праздник весны. Хуршид очень любит сумалак, а как его приготовят, если сейчас хлынет дождь? Надо скорей сказать тетушке Туче, чтобы она обошла стороной их городок.

Хуршид, не задумываясь, взлетел в небо, как его научил Акбала. Тетушка Туча выглядела очень грозной и красивой – брови накрашены усьмой, на голове горел венок из одуванчиков (может, одуванчик не прихвастнул? Может, он и вправду внук Солнца?). Но видно, что она занята делом. Но Хуршид не растерялся:

– Тетушка Туча! У нас сегодня будут готовить сумалак. А если пойдет дождь, как мы будем его готовить?

– Сумалак, говоришь? – приподняла черные брови тетушка Туча. – Что ж, это вкусная штука. Я бы рада пройти мимо вашего городка, но у нас накопилось очень много воды. Сил уже нет столько держать воды в небе.

Она как нагадала. Девочки-тучки бежали по небу и вдруг наткнулись на ведра с водой. Несколько ведер перевернулись. Вниз хлынул ливень, и маленький ягненок, что гулял по лугу, так и застыл, открыв рот – что это там делают девочки-облака? А потом закричал и побежал к овце-маме.

– Мы придумаем что-нибудь, – пообещала Хуршиду тетушка Туча. – А пока погости у нас, ты давно к нам не приходил. Мы угостим тебя вкусными пирожками и сами сейчас сделаем сумалак.

Хуршид кивнул. Ему интересно было попробовать небесный сумалак. Он с удовольствием помог Ойкиз и Акбале собрать мяту. Интересно, думал он, неужели у тетушки Тучи солод для сумалака уже готов? И где они берут пшеницу? Сами собирают, как вот сейчас они – мяту? Или где-нибудь выращивают среди облаков?

Пока он так размышлял, Ойкиз вскочила и закричала радостно:

– Смотрите! Смотрите! Весна! Это Весна! К нам Навруз-апа приехала!

Действительно, испуская радужные и алые лучи, вся в весенних цветах и тальниковых сережках, яркая и легкая, как бабочка, через огромные облачные луга неслась красавица Навруз. В

складках ее небесного платья белели подснежники, стоило ей ступить на облако легкой ногой, как тут же расцветали яркие тюльпаны и розы; стоило ей появиться в облачном саду, как все вокруг благоухало, даже совсем старенький дедушка Гром улыбнулся, выглядывая из окна.

– Здравствуй, дедушка Гром. Это я – Весна. Это я – Навруз. Видите, я снова вернулась.

– Добро пожаловать. Всегда рады тебе!

Оставив все дела, тут же явилась тетушка Туча.

– А, Навруз! Наконец-то! – обрадовалась она. – Вот пшеница, давай ее солодить, а то не успеем вовремя приготовить сумалак. Хуршид удивился: как это она собирается солодить пшеницу? Дома бабушка делает это в течение всей недели. Разве могут семена прорасти сразу?

Оказывается, могут.

Навруз-апа ласково провела ладонью по увлажненной пшенице – и каждой зерно тут же дало росток!

Вспыхнул огонь под большим медным казаном. Девочки навели порядок в саду, бросили на траву курпачи, поставили хонтахту, украсили ее всякими яствами.

Дедушка Солнце, поработав, хотел идти спать, но, увидев в саду такое оживление, хлопнул себя по лбу: как это он забыл, что у Навруз сегодня день рождения? Как можно праздновать такой день без Солнца?

– Дайте, я тоже буду готовить сумалак, – попросил он, протянув к зернам пшеницы длинные сияющие руки. И этими же теплыми руками погладил по голове Навруз: – Поздравляю тебя. Живи, пока жив свет. Будь всегда веселой и доброй, дари всегда миру радость и веселье.

Из-за плеча дедушки Солнца выскочил непоседа Нурджон и запрыгал по плечам и по рукам Навруз:

– Ой, это ты! Ой, я по тебе соскучился!

И если бы он один! Все радовались Весне. Приплывали откуда-то совсем маленькие далекие облачка и радовались вместе со всеми. И бабушка Луна радовалась, и звезды, и Ветер. Звездная Рыба от радости затянула песенку, и голос у Рыбы оказался такой красивый, что даже тетушка Туча окончательно развеселилась и

пошла плясать.

А потом в веселом круге пляшущих появилась маленькая девочка-звездочка в белом платье. Черные глаза ее смело блестели, в косичке сверкал яркий бантик. Хуршид сам догадался, что Зухра – утренняя звезда.

– Видите, как быстро летит время, – засмеялась Навруз. – Раз появилась Зухра, значит, приближается утро.

И попросила:

– Подайте всем сумалак!

Тетушка Туча с удовольствием стала разливать сумалак в пиалы, а высоко под облаками зазвучала журавлиная песня:

– Ку-рей! Ку-рей! Эй, люди хе-е-ей!

Встречайте белых журавлей.

Ни льды, ни горы всей земли

Остановить нас не могли.

Несем весну вам молодую,

Веселую и дорогую.

Эй, люди, хе-е-ей! Ку-рей! Ку-рей!

Встречайте белых журавлей!

– Эй, журавли! – замахала рукой Навруз. – Я здесь! Летите сюда!

Журавли загалдели:

– Смотрите! Это и вправду Навруз! Смотрите, она приготовила сумалак!

Журавли окружили горячий медный казан, и каждый из них тоже получил по пиале вкусного сумалака. Развеселившись, вся стая пошла плясать, раскидывая крылья, выбрасывая в сторону длинные ноги. Вправо, влево! Вправо, влево! Лишь натацевавшись, они взлетели на высокое облако и сели отдохнуть по его краю.

– А теперь я должна идти, – улыбнулась всем Навруз. – Меня ждут люди. Ведь знаете, без меня они не смогут встретить весну.

Только она это проговорила, как в сад вбежали в цветных полосатых халатах Хасан и Хусан.

– Тетушка Туча! Тетушка Туча! – закричали они. – А Карабай всю воду вылил на землю. Вылил, а сам убежал за облако!

– Вот негодник! – рассердилась тетушка Туча. – Что теперь подумают обо мне люди: решат, что это я сама так устроила.

– Оторву уши озорнику! Где он там? – рассердился Ветер.

Он дунул, дыхание его развеяло облака, за одним из них все увидели испуганного Карабая. Плохо бы ему, наверное, пришлось, если бы Навруз не махнула рукой:

– Оставьте его, он еще мальчик. А люди простят нас. Им тоже нужна вода.

Навруз протянула Карабаю последнюю пиалу сумалака и вместе с Ветром взвилась в небо. Где бы она ни пролетала, везде под нею расцветали сады и поля, таял снег там, где он еще сохранился, веселее начинала бежать вода, а люди радовались и поднимали к небу лица, восклицая:

– Весна! Это весна!

САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ АРТИСТ

Бабушка Хуршида всегда любила цветы. С приходом весны она высаживала на грядках все виды базилика – и корарайхон с его фиолетовыми листьями, и ошрайхон, и шарообразный садарайхон. Между базиликами у нее росли алтеи, целозии, маргаритки. Там же, на солнечной стороне, сеяла она и семена усьмы. Поглядывая на нее, папа Хуршид тихонько посмеивался:

– Зачем вам усьма? Вы что же, собираетесь красить брови?

– А тебе что до этого? – обижалась бабушка. – Если мне уже не надо красить брови, это еще не значит, что усьма никому не понадобится.

Хуршид тоже помогал бабушке. Он рыхлил землю, выпалывал сорные травы. Вот это, например, что за сорняк? Листочки зеленые, зазубрены, как пила. Выдернуть?

Он уже наклонился, но бабушка вовремя поняла его замысел:

– Не рви его, Хуршид. Это тоже цветок. Пускай растет. Это максамосейка. Он всегда расцветает незаметно, редко кому удавалось видеть, как раскрывается его бутон.

Вот с того дня, как он услышал про это, Хуршид внимательно

следил за маком-самосейкой, решив обязательно увидеть, как раскрывается его бутон.

Но прошла неделя, а мак и не собирался расцветать.

Прошла еще одна неделя, а бутон на нем все был такой же зеленый и плотный.

«Может, завтра расцветет?..»

Каждое утро Хуршид первым делом бежал к грядке, но бутон оставался зеленым и плотным.

«Вот так просплю однажды и не увижу, как расцветает мак».

Но в это утро Хуршида будто кто-то подтолкнул.

Он открыл глаза, но тут же снова закрыл их – очень уж не хотелось вылезать из теплой постели.

– Вставай, вставай, соня!

Он прислушался. Что это за голоса доносятся из утреннего сада? Вот даже бабушка Луна еще не ушла с неба, кто же там разговаривает?

Он стряхнул остатки сна и выбежал в сад.

Прежде всего – к цветнику. Почему это так возбуждены все цветы? Целозии, вытянув свои длинные шеи, всматриваются куда-то, райхоны, наклоняясь друг к другу, перешептываются неслышно.

«Уж не мак ли собирается расцвести?»

Нет, тут явно что-то другое. Мак-самосейка еще спит, он и не собирается расцветать. Больше того, когда целозия толкнула его – просыпайся, дескать! – он обиженно и капризно заявил:

– Отстаньте от меня! Я еще спать хочу.

– Ишь, какой! – рассердились райхоны. – Сейчас в саду появится самый знаменитый, самый известный артист мира, а ты и слушать его не хочешь! Вот совсем зазнался, а всего-то-навсего – мак-самосейка!

А роза – алая и душистая – гордо вскинула голову, заявив маку:

– Сорняком ты был, сорняком и останешься.

Этого Хуршид не выдержал. Пусть мак немножко и зазнается, но нельзя же так.

– Эй, зачем вы обижаете самосейку? И что это за самый знаменитый артист мира?

Цветы замолчали. Вроде как растерялись от того, что Хуршид их подслушал.

– Ладно, не бойтесь, – решила наконец маргаритка. – С Хуршидом можно дружить, он нас никогда не обижает. Пусть он тоже увидит самого знаменитого артиста и послушает его песни.

– Ладно, оставайся, Хуршид, – зашелестели цветы.

– Но кто он, этот артист?

– Посиди спокойно, скоро увидишь.

Все смолкло, стихло, а потом вдруг легко потянуло прохладным нежным ветерком, и цветы радостно захлопали в листики-ладошки. Это прилетел самый знаменитый артист в мире, и Хуршид, конечно, тут же его узнал.

Соловей!

Серый чапан на певце серебрился, соловей наклонял голову то вправо, то влево, смотрел на слушателей то правым, то левым глазом, а потом произнес:

– Первую песню я посвящаю алой красавице – розе, самому красивому цветку в мире!

Цветы радостно захлопали, а черешня даже замахала всеми своими ветками. Алая роза еще выше подняла свой бутон и презрительно скосила глаза на мак: слышит ли соловья этот невежа? Хуршид даже подумал: вот задразнят они самосейку, вот доведут они его до слез, эти садовые цветы.

А соловей уже начал песню

Кем бы он ни был, как бы он себя не держал, с кем бы он там ни дружил, но это был певец, и певец настоящий! Даже бабушка Луна, уже сошедшая за горизонт, снова высунулась посмотреть – кто это так сладостно поет: даже звезды одна за другой снова выпали на небо.

Да, было что слушать!

Цветы так и замерли в восхищении, и когда раскатилась последняя трель, не шевельнулись, боясь нарушить установившуюся восторженную тишину.

Но чей-то тоненький голосок сказал:

– Ой!

Цветы, вздрогнув, оглянулись. А-а-а, это опять мак-самосейка, совершенно не умеет себя держать в обществе. Вон, даже обронил

на землю какие-то листки.

Да что это с ним?

Он, этот мак, расцвел! И как красиво расцвел! Как гордо стоит, как переливается его алая головка в нежных лучах бабушки Луны!

– Уважаемый артист, – тем же тоненьким голосом сказал самосейка, – меня зовут Гузал, то есть Красавец. Обычно я расцветаю попозже, но сегодня не смог. Ваше пение было таким чудесным, что я решил расцвести. Считайте, что это я сделал вам подарок.

– Спасибо, – важно ответил соловей, глянув на мак и левым и правым глазом. – Лучшего подарка просто быть не может. Позвольте мне спеть специально для Вас.

И соловей снова запел.

Роза же все косилась на мак самосейку и с завистью шептала:

– Настоящий дикарь! Совершенно не умеет себя вести!

Но мак уже не боялся розы. Песнь соловья была столь прекрасна, что все, кто ее слышал, становились добрее и чище. Даже роза. А на Хуршида пение подействовало еще сильнее – глаза его начали слипаться, и он погрузился в теплый и нежный сон. Последнее, что он помнил, это шепот черешни: «Давайте, давайте его сюда, кладите на мои тонкие ветви, пусть мальчик поспит».

...Он проснулся и сразу вспомнил свой сон! И то, как пел цветам соловей, и то, как роза обижала мака-самосейку.

А может, то был не сон?

Хуршид вскочил и побежал в сад.

Райхоны на грядке еще дремали, целозии, положив головы на плечи друг другу, тоже подремывали, как и роза. Зато тут же на грядке стоял мак-самосейка, и цветок его сиял и переливался, как алый бархат в лунном свете.

– Привет! – сказал Хуршид маку. – Как ты красив!

Мак застыл, будто не понял Хуршида.

– А я знаю, как тебя зовут, – шепнул Хуршид, наклоняясь к самому цветку. – Тебя зовут Гузал, я не ошибся?

Мак-самосейка вздрогнул и еще сильнее покраснел. А райхоны, притворяющиеся, что они спят и ничего не слышат, все же зашевелились. В конце концов, у каждого есть что-то свое, чем можно гордиться. Пусть они, райхоны, не такие красивые, как

роза или этот невежа-мак, зато они пахнут сладко и необыкновенно.

ГНЕВ ПОВЕЛИТЕЛЯ ГОР

Папа уже давно обещал повезти Хуршида в зоопарк: «Вот придет воскресенье, и мы поедем!..» Но воскресенья приходили и уходили, и всегда у папы оказывались какие-то срочные дела. Бабушка даже, наконец, рассердилась:

– Это какой же пример ты подаешь сыну?

Тогда папа улыбнулся и шепнул в ухо Хуршиду:

– Ладно, давай поедем в следующее воскресенье.

И вот это воскресенье впрямь наступило.

Хуршид сам вскочил с постели, умылся, собрался, натянул новую рубашку в клеточку, надел брюки с кармашком, на котором был вышит желтый слоненок. Вот он, Хуршид, какой!

Сперва они ехали на автобусе, потом в метро, потом шли пешком и только после этого оказались в зоопарке.

О-о! Какой слон! Это тебе не желтый слоненок, что вышит на кармашке! Какие огромные у него уши, как смешно он ими встряхивает!

– Ну, Хуршид, чего ты остановился? Пошли скорее к слону.

– Подожди, папа.

– А что такое?

– Посмотри вон туда, папа.

Папа обернулся и увидел большую клетку, отгороженную от зрителей решеткой. Внутри клетки, на вершине серой искусственной скалы, нахохлившись и опустив крылья, сидел печальный Орленок.

– Почему он такой? – Хуршид ухватился за рукав папиного костюма. – Почему все звери веселые, прыгают, выпрашивают конфеты, даже слон машет ушами, а этот Орленок совсем грустный? Пойдем к нему.

– Да что там интересного? – совсем удивился папа. – Самый обыкновенный Орленок. Может, приболел. Мало ли что случается в зоопарке. Пойдем лучше посмотрим, как будут кормить слона.

– Нет, пойдем к Орленку...

Хуршид умел быть упрямым. Пожав плечами, папа сказал:

– Ладно, делай как хочешь. Иди к своему Орленку, а я пока посмотрю слона. Посмотришь, подходи прямо сюда, я буду тебя ждать.

Возле клетки Орленка не было ни одного человека. Понятно. Он ведь был еще совсем маленький и грустный. Это посади в клетку звездного Орла, все бы сюда сбежались. Но звездный Орел никогда не позволит лишиться себя свободы. Вот и этот Орленок страдал.

– У тебя что, голова болит? – тихонечко спросил Хуршид.

– Нет, – угрюмо, сверкнув глазом, ответил Орленок. – У меня ничего не болит, но я не хочу жить.

– Почему?

– Потому что я Орленок и хочу стать Орлом. А в клетке Орлом не станешь.

– Почему же ты не убежишь?

– А как я убегу? – еще больше угрюмо сказал Орленок. – Тут же кругом сторожа и решетки. Даже ты не сможешь вызволить меня отсюда.

Орленок втянул голову в плечи и совсем затих. Он не ответил больше ни на один вопрос, и сразу погрустневший Хуршид пошел искать папу.

Он увидел в тот день медведя, мохнатого и огромного, увидел рысь, на кончиках ушей у которой были красивые кисточки, увидел длинного желтоватого крокодила, как-то уж слишком загадочно взглянувшего на него. Но ничто не могло развеселить Хуршида, так поразил его запертый в клетке Орленок, который мечтал быть Орлом.

А может, Акбала знает, где живут родители Орленка, попавшего в неволю. Может, он сумеет их найти, и они решат, как помочь Орленку?

Точно! Надо найти Акбалу.

С той поры, как Акбала стал официальным помощником дедушки Грома, они виделись редко, но друг друга не забывали.

Солнечный зайчик прыгнул Хуршиду в глаз.

Ну да, это же Нурджон, как он мог забыть о нем?!

Тихонечко, чтобы папа не расслышал, Хуршид спросил:

– Нурджон, слышишь, Нурджон? Ты не знаешь, где сейчас Акбала?

– Знаю, знаю! Я всегда все знаю! – расхвастался солнечный зайчик.

– Ну так скажи, где он. Я вечером хочу побежать к нему.

– Туда, где он находится, не так-то легко добежать.

– Почему?

– Да потому, что его запер в темной пещере сам Повелитель Гор. Наверное, Акбала что-нибудь там такое натворил, вот Повелитель Гор и рассердился.

– Что же ты раньше мне не сказал?

– А ты не спрашивал.

– Ну ладно, Нурджон. Я, конечно, виноват, но опиши мне все-таки дорогу к той пещере. Я должен помочь Акбале, а он, наверное, поможет несчастному Орленку, запертому в клетку.

– Объяснить дорогу я, конечно, могу, – распрыгался легкомысленный Нурджон, – только ты один все равно заблудишься. Давай лучше сделаем так. Скоро дедушка закончит свое дежурство, я провожу его домой и прилечу к тебе. Отправимся к Повелителю Гор вместе. Только ты не усни, Хуршид, а то тебя тяжело будить.

..Наступил вечер, взошли на небосвод звезды. Пришла и ночь, а Нурджон так и не появлялся. Все давно спали – и бабушка, и папа, и мама, наверное даже, Орленок в клетке спал, а Нурджона все не было.

Хуршид и сам чуть не уснул.

– Эй, соня! – услышал он.

Нурджон смущенно прыгал по веткам и объяснял:

– Вот еле-еле выпросил у бабушки Луны светлую арбу. Зато теперь мы легко доберемся до пещеры и вернемся обратно. Учти, нам все нужно сделать до появления на небе Зухры. Эта девчонка такая любопытная, что от нее не отвяжешься. Все и всем расскажет.

Он прыгнул на ветку, с ветки на землю, с земли на арбу:

– Едем!

Светлая арба, скрипя, покатила по долине. Казалось, она катится медленно, но буквально каждую минуту пейзаж менялся: то долина, то сухая пустыня, то широкая река, то дремучие

джунгли. И вот, наконец, начались горы, и арба медленно вкатилась в угрюмое и извилистое ущелье.

– Все, – сказал Нурджон, соскакивая с арбы. – Дальше надо идти пешком. Идем, Хуршид, и не отставай от меня, а то сразу заблудишься в темноте.

Они, правда, шли теперь в полной тьме. Если бы не солнечный зайчик, Хуршид давно бы поломал себе ноги, свалившись в какую-нибудь трещину, но вдвоем они шли и шли, пока не оказались в такой гигантской пещере, где даже солнечный зайчик был еле заметен. Зато немножко светились холодным и неприветливым светом каменные колонны, под которыми на троне, вырубленном из цельного кристалла горного хрусталя, сидел сам Повелитель Гор. Он тоже был сложен из различных кристаллов и когда делал какое-нибудь движение, его борода и волосы, его усы начинали позвякивать, и свет солнечного зайчика тысячекратно отражался в нем и отбрасывался на стены угрюмой и холодной пещеры.

– Дитя человека?! – удивленно пророкотал Повелитель Гор. – Шалуна Нурджона я знаю, он так и норовит заглянуть туда, куда ему вовсе и не надо заглядывать, но зачем пришел сюда ты, дитя человека?

От этого рокочущего голоса, от безнадежного холода, исходящего стенами пещеры, Хуршиду стало так страшно, что он чуть было не побежал к выходу. К счастью, он вовремя вспомнил несчастного Орленка.

– Я по делу пришел, – заговорил он испуганно, но все же твердо. – Мне сказали, что вы, Повелитель Гор, заперли в пещере Белого мальчика – Акбалу.

– Это так, – холодно пророкотал Повелитель Гор. – Этот Акбала несколько раз ошибся и неправильно направил грозу. Из-за его неправильных действий чуть не погибли в воде горные кишлаки. Моего любимого горного козла смыло и унесло куда-то в расщелину. Тебе правильно сказали, дитя человека, я действительно наказал Белого мальчика.

– Он же не нарочно! – закричал Хуршид. – Он же еще только учится!

– А ты откуда можешь это знать?

– Акбала – мой друг.

– Вот как? – заинтересовался Повелитель Гор и чуть-чуть повернул голову. Сразу задрожали стены пещеры, как при землетрясении, и Хуршид испугался еще больше. – Зачем ты разыскиваешь этого шалуна? Небось, решили что-нибудь натворить вдвоем, а?

– Нет, Повелитель Гор, я ищу Акбалу не для этого... Он, Акбала, много летает по небу, и знает очень многое... Я хочу попросить его найти родителей Орленка, что сидит сейчас в клетке... Может, родители Орленка помогут ему, а то он очень печальный...

– Да, орлы плохо выдерживают неволю, – пророкотал Повелитель Гор. – Я вижу, у тебя доброе сердце, дитя человека, и ты пришел сюда не ради безделья... Орлы – это мои подданные, и я тоже отвечаю за их судьбу... Тебе повезло, я помогу тебе... Ради такого дела я освобожу Акбалу раньше срока... Но и ты поговори со своим другом, намекни ему, что молнии вовсе не игрушки и играть с ними нельзя...

Он тяжело вздохнул, и от этого вздоха вдруг огромный камень выпал из стены, открыв глухую пещеру, в которой на корточках сидел продрогший Акбала.

– Хуршид! – встревожился он, увидев своего товарища. – Как ты попал сюда? Ты тоже будешь посажен в пещеру?

– Успокойся, Акбала, – пророкотал Повелитель Гор. – Ты свободен. Я освобождаю тебя до срока. Этому человеку нужна твоя помощь, и еще она необходима одному Орленку, попавшему в неволю. Ты теперь знаешь, что такое неволя, так что, надеюсь, поможешь Орленку по-настоящему. Но ты был и остаешься еще и помощником дедушки Грома. Запомни навсегда: молния – это оружие, оно может натворить больших бед. Чем более сильным оружием ты владеешь, Акбала, тем более благородным ты должен быть.

Акбала молча кивнул.

– А теперь идите. Я хочу побыть один.

Акбала, Хуршид и солнечный зайчик бросились вон из пещеры и были рады увидеть небо.

Было утро. Дрожала и переливалась в небе яркая звезда – это юная Зухра расчесывала свои прекрасные волосы.

– Беги домой, Хуршид, – сказал Акбала. – Тебе нельзя

опаздывать в школу. А все, что надо сделать, я теперь сделаю сам.

И они расстались.

Но весь день Хуршида что-то мучило, что-то мешало ему, и вечером, увидев Белого мальчика, легко спрыгнувшего с облачка на землю, он сразу спросил:

– Ты нашел орлов, Акбала?

Акбала печально кивнул.

– А почему ты печален?

– Потому что мы были в зоопарке, Хуршид. К сожалению, мы опоздали. Орленок не выдержал неволи, он умер.

– Как?!

– Он отказался от воды и от пищи. Он был очень гордый и сильный.

– Как жалко...

Хуршид никак не мог сдержаться, слезы сами так и потекли по его смуглым щекам.

– Ой, Хуршид, – воскликнула, выглянув из окна, бабушка, – что случилось, почему ты плачешь?

– Это из-за Орленка, бабушка... Тот Орленок, он умер...

– Бедная птица! Бедный мальчик!

– Нет, – сказал, выглядывая из окна, папа Хуршида, – если мальчик плачет, это значит, что он понемножку превращается в мужчину. Поди-ка сюда, сынок.

Он усадил Хуршида на колени и сказал:

– Не печалься, сынок. Орленок предпочел смерть неволе, значит, он был гордой и сильной птицей и сам сделал выбор. Учись и ты быть таким же.

– Я обязательно вырасту таким, как Орленок, – шепнул Хуршид сквозь слезы. – И я всегда буду дружить с облаками и травами, с ручьями и ветром, с солнечными зайчиками и далекими звездами. А когда вырасту, стану летать так высоко, как умел летать Орленок, как умеют летать настоящие Орлы.

– Это ты хорошо задумал, сынок, – задумчиво сказал папа. – Одно лишь меня печалит. Знаешь, человек растет долго, очень долго, и часто так случается, что, став взрослым, он вдруг перестает летать.

– Ты думаешь, и со мной так будет? – испугался Хуршид.

– Не знаю, – засмеялся папа. – Может тебе повезет. Может, ты и впрямь станешь самым первым человеком, который не потерял волшебную способность детства – летать.

И они замолчали.

Каждый из них думал о своем, но оба они думали о вещах по-настоящему серьезных и интересных.

Мухаббат ЮЛДАШЕВА,
(Узбекистан). Некаўалар